

словомъ поминуть на сирожалахъ своихъ исторій духовныя семинаріи — Кавказская, Симбирская, Харьковская и Калужская, которыя послѣдовательно одна за другою состояли подъ его ректорію.

Управленіе отца архимандрита Герасима названными четырьмя семинаріями на столько было похвально, что Св. Синодъ справедливымъ призналъ возвести его на высшую степень церковной іерархіи, почтить его саномъ епископа, а высокопреосвященный Исидоръ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, пожелалъ имѣть его своимъ викаріемъ. Въ епархіяхъ Новгородской и С.-Петербургской имя Преосвященнаго Герасима и доселѣ всегда произносилось и впредь, конечно, будетъ произносимо съ похвалами. Не поминетъ его лихою и Самарская епархія, интересамъ которой онъ доблестно служилъ около двѣнадцати лѣтъ. Безъ сомнѣнія доброю памятію почтить его и Астраханская епархія, гдѣ онъ сравнительно хотя и не долго служилъ, но тѣмъ не менѣе безукоризненно и усердно.

Вѣчная память, въ Бозѣ почившій Архипастырь! Подвигомъ добрымъ ты подвизался на землѣ, теченіе жизни своей скончалъ непостыдно, вѣру соблюлъ до послѣдняго вздоха. Тебѣ остается только получить вѣнецъ правды, который и да воздастъ тебѣ Праведный Судія въ день всеобщаго воздаянія, у престола Божія, если будешь имѣть дерзновение предъ Господомъ, помини и насъ, собравшихся здѣсь воздать тебѣ послѣдній долгъ, помини и всѣхъ, кому ты когда либо и гдѣ либо служилъ, и кто тебѣ служилъ, кто тебя любилъ и чтилъ, и кто тебя не любилъ и поносилъ. Молись за насъ, молись за всѣхъ, — и за друзей твоихъ и за враговъ, молись за все наше отечество, и за отечественную церковь, молись за Царя и за весь Царствующій Домъ. Молись, — много бо можетъ молитва праведнаго предъ Господомъ. А мы, въ свою очередь, будемъ молиться здѣсь о тебѣ, да вселитъ Господь духъ твой, идѣже вси праведніи упокоются.

С Л О В О

на погребеніе Преосвященнѣйшаго Герасима, Епископа Астраханскаго и Енотаевскаго, произнесенное ректоромъ Семинаріи П. А. Поповымъ.

*Не имамы здѣ пребывающаго града,
но грядущаго взыскуемъ.* Евр. XIII. 14.

Первосвященники ветхозавѣтной церкви, какъ посредники между Богомъ и еврейскимъ народомъ, какъ ходатаи за народъ, въ своемъ служеніи были

ограничены мѣстою, временемъ и одною только еврейскою націею. Апостолы же Христовы,—наи́стѣнники Его въ первосвященническомъ служеніи, не получили какого нибудь града или народа для своего постоянного служенія, они были посланы во всю землю возвѣщать ученіе Христово и приводить вся языки въ Его царство. По этому то Св. ап. Павелъ и говоритъ, что они не имѣютъ на землѣ какого нибудь постоянного и опредѣленнаго града для жительства и для своей дѣятельности, къ которому бы особенно были прикованы ихъ симпатіи, гдѣ бы они оказывали особенную любовь; но они, какъ вселенскіе учителя, смотрятъ на всѣхъ людей, какъ на братьевъ, проповѣдуютъ Евангеліе всѣмъ языкамъ и имѣютъ въ виду не отдѣльное процвѣтаніе какого нибудь города или народа, но стремятся къ общему совершенствованію и спасенію всего человѣчества—съ цѣлію возвести его къ почести вышняго званія въ горнемъ, вѣчномъ и общемъ для всѣхъ отечествѣ.

Подвигъ такого служенія—тяжелый подвигъ! Онъ требуетъ полного самоотверженія со стороны человѣка, добровольно посвятившаго себя на это служеніе. Отказаться отъ родины, отъ всего того, что въ дѣтствѣ было мило и дорого, что питало мысль, согрѣвало и поддерживало чувство, отказаться отъ дорогихъ по плоти и духу людей и, носившихъ милые и дорогие образы въ своей душѣ, не имѣть опредѣленнаго мѣста для жительства, не знать гдѣ придется утружденную главу преклонить,—реди ли людей близкихъ, или незнакомыхъ,—съ любовію ли будутъ окружать его смертный одръ, или съ противоположнымъ чувствомъ,—все это требуетъ великаго самоотверженія со стороны человѣка, одушевленнаго идеею служить человѣчеству изъ любви къ Господу.

Многіе изъ нашихъ русскихъ святителей, какъ законные преемники апостольскаго служенія были, понтифъ, если не вселенскими, то всероссійскими учителями и служителями въ словѣ и ученіи. Они также, какъ и апостолы, могли про себя сказать: не имамы здѣ настоящаго града, но грядущаго взыскуемъ. Вспомнимъ времена давнопрошедшія въ исторіи нашей церкви и государства, взгляните на времена недавніи, проникните взоромъ въ настоящее и вы увидите, что святители наши, не имѣя въ виду настоящаго, опредѣленнаго какого нибудь града, тѣмъ самымъ оказываютъ великую услугу церкви и отечеству, какъ собиратели русской силы и объединители русской мысли. Они въ духѣ мира и любви всеобъемлющаго ученія Христова, способствовали объединенію въ Россіи разныя родовыя, племенные, удѣльныя. Они

оставляли исключительное тяготѣніе къ мѣсту родины, племени, удѣла, имѣя въ виду благо всей Россіи и спасеніе всѣхъ людей. Напримѣръ Св. Петръ, владыцѣ родомъ, дѣлается митрополитомъ всероссийскимъ и ставитъ свой престолъ въ далекой отъ родины и чуждой въ то время во многомъ ей Москвѣ, радѣя чрезъ Москву о всей Россіи. И послѣдующіе многіе архипастыри, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи забывали совершенно о мѣстныхъ интересахъ своей родины и рода и служили тамъ, гдѣ указывалъ промыслъ Божій, имѣя въ виду общее благо всѣхъ подданныхъ нашего Государства безъ различія національностей. Русскіе, Зыряне, Мордва, Чуваши, Калмыки, — словомъ все составляли предметъ глубокой и полной любви и заботливости нашихъ архипастырей. При частой иногда перемѣнѣ мѣста своего служенія до святительства и — въ святительскомъ санѣ, при ознакомленіи съ различными мѣстностями, съ особеннымъ характеромъ жителей, нарѣчіемъ и складомъ ихъ жизни, святители наши приобретали житейскую опытность и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ жизненная любовь становилась гораздо шире въ сравненіи съ тѣми, которые привязаны къ одному мѣсту своего служенія. Это служеніе единству идеи въ различныхъ мѣстностяхъ имѣетъ неоспоримо важное значеніе для объединенія Руси и въ духовно-правственномъ отношеніи. Житель, напр., Камчатки слышитъ одно и то же ученіе, выраженное въ однихъ и тѣхъ же почти словахъ и отъ того же самаго святителя, который поучаетъ жителей первопрестольной столицы Москвы; воинственный сынъ Кавказа внимаетъ слову — полному мира и любви и видитъ воздержную жизнь святителя, который былъ прежде можетъ быть образцомъ жизни среди угрюмыхъ и молчаливыхъ дѣтей сѣвера или среди смиренныхъ рыбаковъ тихаго повожья. Это земное странствіе святителей и служеніе ихъ единенію всѣхъ въ духѣ мира и любви не можетъ не вліять на единеніе и въ жизни общественной.

И почившій нашъ архипастырь много пострадалъ на своемъ вѣку, служа идеѣ объединенія людей въ духѣ христ. вѣры. Сыпъ бѣднаго сельского причетника отдаленной отъ центра Россіи Иркутской губерніи онъ съ дѣтства свыкся съ нуждою и трудомъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ духовномъ училищѣ и семинаріи (*) не при изобиліи

(*) Почившій архипастырь въ послѣдній годъ своей жизни очень много разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ и юности. Между прочимъ, онъ говорилъ и о крайнемъ недостаткѣ учебниковъ въ его время: нужно было почти все списывать. Нѣкоторые же изъ учителей, желая облегчить учениковъ отъ переноски, прибѣгали къ довольно оригинальнымъ способамъ пре-

матеріальнихъ средствъ и научныхъ пособій, но при избыткѣ усердія и великаго терпѣнія. Еще находясь на школьной скамьѣ, почившій началъ свое странствіе среди сибирскихъ цюгородцевъ по порученію архипастыря съ миссіонерскою цѣлю. По усиленнымъ мольбамъ престарѣлыхъ родителей вступилъ онъ въ супружество и принялъ санъ священства. Молодой священникъ г. Иркутска Георгій Добросердовъ вскорѣ былъ отличенъ духовною властію отъ своихъ сверстниковъ и призванъ къ должности учителя и воспитателя дѣтей въ качествѣ инспектора дух. училища и вмѣстѣ съ тѣмъ на него была возложена обязанность принять участіе въ административномъ управленіи епархіею въ должности члена консисторіи. Довольно обеспеченное матеріальное состояніе, благосклонность со стороны высшихъ, уваженіе и любовь отъ пасомыхъ — приковали было, — говорилъ почившій, его мысль и чувство къ родному мѣсту, гдѣ онъ хотѣлъ всецѣло посвятить себя на служеніе роднѣ; по промыслу Божию угодно было расположить судьбу жизни его иначе. Раннее вдовство, потеря дорогаго друга въ женѣ, о которой почившій до послѣдняго времени безъ слезъ не могъ вспомнить, направляють его мысль къ болѣе широкой дѣятельности. Не безъ колебаній, не безъ боли въ сердцѣ, — почившій оставилъ родныя мѣста и дорогую могилу, чтобъ достойно приготовить себя къ служенію на болѣе широкомъ поприщѣ. Ни матеріальные недостатки, ни дальность разстоянія, ни неизвѣстность, ожидавшая впереди, — не останавливають твердую рѣшимость молодаго вдоваго священника на пути слѣдованія въ сѣверную столицу... Потомъ мы видимъ его, — какъ лучшаго студента С.-Петербургской академіи, какъ учителя семинаріи въ Твери, какъ инспектора и ректора въ Ставрополѣ, какъ ректора семинаріи въ Калугѣ, Харьковѣ, Симподаваніи. Такъ, учитель нѣни, діаконъ Веніаминъ, вполнѣнствіи митрополита Московскій Иннокентій, за недостаткомъ нотныхъ книгъ, черталъ нотныя линейки на стѣнахъ классной комнаты углемъ и на нихъ ставилъ такты, полтакты и чварки. Преосвященный съ особенною любовію вспоминалъ о діаконѣ Веніаминѣ. Между прочимъ, онъ говорилъ, что разъ отецъ его привезъ Веніамину въ подарокъ пудъ ясной (ячменной) муки и просилъ, чтобъ онъ по строго за нимъ присматривалъ и почаще отечески наказывалъ. И діаконъ Веніаминъ не забывалъ просьбы отца. „Кто знаетъ, добавлялъ преосвященный, чтобъ изъ меня вышло, если бы не держалъ въ строгости: бойконекъ я былъ!“ Покойный рассказывалъ также объ извѣстномъ бунтѣ еп. Иринея, какъ очевидецъ. Жилъ онъ въ это время въ архіерейскомъ домѣ, какъ старшій надъ пѣвчими. Услышавши звонъ въ набатъ, онъ въ затрапезномъ халатѣ и съ одною щекою выбритою, а съ другою только намыленною, выбѣжалъ на дворъ и былъ во все время на площади около пр. Иринея, уговаривалъ его, чтобъ ничего не опасался и возвратился бы въ свои покои. Солдаты, будто, очень любили пр. Иринея. И старшій надъ пѣвчими помогъ будто чиновнику Голусеву незамѣтно ускользнуть отъ пр. Иринея и отъ стражи, которая погналась — было на нихъ, но тотъ отъ испуга очень спѣшно бѣжалъ.

Бирскѣ; какъ святителя въ викаріѣ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, какъ самостоятельнаго епископа—въ Самарѣ и Астрахани, гдѣ почившій и кончилъ свое земное странствованіе. Изъ одного уже этаго краткаго перечня мѣстъ земнаго странствія нашего усопшаго владыки великій можетъ себѣ составить понятіе о трудности того пути, который имъ пройденъ. Мы не имѣемъ намѣренія въ этомъ краткомъ словѣ оцѣнивать заслуги покойнаго владыки, особенно въ это время, когда онъ, находясь среди насъ плотію, духомъ своимъ предстоитъ предъ судомъ великаго Пастыреначальника, судья котораго неизмѣримо правосудіе и милосердіе нашего. Не упоминаемъ здѣсь и о тѣхъ официальныхъ трудностяхъ служенія, которыя болѣе или менѣе извѣстны каждому. Мы хотимъ обратить здѣсь вниманіе на ту трудовую сторону жизни, которая большею частію остается незримою для большинства и на которую нынѣ смотреть, какъ на мелочи архіерейской жизни, но которая тѣмъ не менѣе составляетъ весьма тяжелый подвигъ для тѣхъ, которые изъ любви къ Богу и людямъ, *не имутъ здѣ пребывающаго града*, не смотря ни на величіе власти, ни даже на матеріальное довольство. Долговременная жизнь безъ роднаго угла, безъ возможности знать и опредѣлить гдѣ будетъ встрѣченъ и проведенъ новый годъ жизни, куда себя готовить чрезъ два—три года жизни; такая неопредѣленная жизнь заставляетъ человѣка всегда жить на стражѣ внутренняго самовоздержанія. Жизнь при людяхъ, часто смѣняющихся, людяхъ новыхъ, мало извѣстныхъ—иногда и чуждыхъ по духу, но преданныхъ по вѣщности, которые всецѣло зависятъ отъ насъ, во всемъ соглашаются, предъ всѣмъ преклоняются,—такая жизнь весьма трудная и опасная, потому что она способна привести къ разслабленію и самозабвенію. Чтобы сохранить при этомъ свое нравственное достоинство и не быть подавлену величіемъ своей власти и благоговѣніемъ окружающей среды—нужно имѣть въ себѣ глубокое безпристрастіе, часто и строго самоиспытывать себя съ отверженіемъ великаго самолюбія. Это великій подвигъ! Здѣсь требуется внутренняя, тяжелая работа души, полной глубокихъ мыслей, которыя давали нищу жизни, чтобы не быть одинокимъ среди окружающихъ людей и въ тягость себѣ. При обращеніи въ разныхъ мѣстностяхъ съ лицами разныхъ характеровъ и часто малозвѣстными требуется глубокое вниманіе и полная справедливость и безпристрастіе, но послѣднія по мѣстнымъ и личнымъ нашимъ интересамъ могутъ быть приняты за недостатокъ снисхожденія и милосердія. Но быть справедливымъ ко всѣмъ, обла-

дать вполнѣ нравственную свободу, — способенъ только тотъ, кто освободилъ себя отъ житейскихъ узъ, болѣе или менѣе привязывающихъ насъ къ извѣстной мѣстности, къ извѣстнымъ лицамъ. И почившій нашъ архипастырь понималъ это. Онъ не разъ говаривалъ, чтобъ на него необижались, когда онъ говоритъ правду въ глаза. „Если я не скажу вамъ правды въ глаза, то отъ кого вы услышите ее,“ говорилъ онъ. Изъ стремленія—то къ этой чистой правдѣ почившій архипастырь—съ болью въ сердцѣ—уступивъ чувству родительской любви и приблизилъ къ себѣ единственного сына, что было по его мнѣнью противъ его совѣсти, такъ какъ могло дать поводъ къ разнымъ недобрымъ слухамъ и тѣмъ унижить чистоту его намѣреній. Эта—то вотъ боязливая утайка любви къ приснымъ составляетъ тоже не малую долю тяжести въ жизни.

А обратите еще вниманіе, кромѣ прямыхъ обязанностей архипастырей, на тотъ народный идеалъ, который составленъ относительно жизни архипастырей и который они должны поддерживать и осуществлять въ своей жизни! Боязнь исказить этотъ идеалъ и тѣмъ оскорбить совѣсть немощныхъ—часто заставляетъ нашихъ архипастырей воздерживаться и отъ того, что не противно ни закону Божію, ни человѣческому, и что нисколько не препятствуетъ исполненію ихъ прямыхъ обязанностей. Не фарисейское гордое самоуслажденіе внѣшними подвигами, доходящее до того, чтобъ говорить: ни каснися, ниже вкуса, ниже осяжи; не боязливая мнительность людей, сожженныхъ своею совѣстію и чуждающихся того, что самъ Богъ благословилъ, заставляютъ часто нашихъ архипастырей проводить жизнь полную воздержанія и самоограниченія, при всемъ иногда матеріальномъ довольствѣ, но единственно любовь къ ближнимъ, опасаящаяся оскорбить и соблазнить единаго отъ малыхъ вѣрующихъ. Это тоже тяжелый крестъ, который поднимаютъ наши архипастыри.

Эта—то вотъ жизнь безъ роднаго угла, это странствованіе по землѣ при немнѣннѣ постояннаго града, эта глубокая забота о благѣ людей безъ различія рода, племени и мѣста жительства, это постоянное вниманіе къ себѣ и самоограниченіе и составляютъ трудность подвига, который несутъ люди, не вмущіи постояннаго града и который многіе годы былъ несенъ нашимъ почившимъ архипастыремъ. Помолимся же Господу Богу, да Онъ Милосердный сподобитъ почившаго нашего Святителя вѣщепъ правды, который уготованъ подвижникамъ, любящимъ Бога.